

Вершок, И.Л. Информационная природа процесса правового сознания / И.Л. Вершок // Актуальные вопросы развития правовой информатизации в условиях формирования информационного общества : сб. науч. ст. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е.И. Коваленко. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. – С. 319–328.

УДК 340.1

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕССА ПРАВОВОГО
СОЗНАНИЯ
INFORMATION NATURE OF PROCESS OF THE LEGAL
CONSCIOUSNESS**

И.Л. Вершок, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук

I.L. Viarshok, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law faculty, Belarusian State University, PhD (Candidate of Sciences) in Law

e-mail: viarshok_irina@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы информационной природы процесса правового сознания. Выделены основные уровни восприятия различных видов информации в процессе правового сознания. Признается, что в результате правового сознания происходит формирование индивидуальной объективной юридической реальности.

The article deals with issues of the information nature of the process of the legal consciousness. The main levels of the perception of the different types of information during the process of the legal consciousness are researched in this article. The moulding of the individual objective reality is considered as the result of the process of the legal consciousness.

Ключевые слова: процесс сознания; правовое сознание; правовая информация; формирование правового сознания; правоприменение; толкование правовых норм; реализация правовых норм; индивидуальная объективная реальность.

Keywords: process of consciousness; legal consciousness; legal information; moulding of the legal consciousness; making law; interpretation of legal norms; realization of legal norms; individual objective reality.

Введение. В условиях происходящих в современном мире процессов глобализации и одновременно регионализации, усложнения межличностных и социальных коммуникаций, усиления разнообразия мировоззренческих, религиозных и иных ориентаций, развития и повышения влияния, проникновения глобальной сети Интернет во все сферы жизни появляется сложная проблема фрагментарности сознания, его дезинтеграции. Классическое научное знание, вырабатывающее подходы к определению сущности, видов сознания, механизмов его формирования и базирующееся на строгих логических умозаключениях, в настоящее время не дает максимально рациональной оценки такому сложнейшему феномену, как сознание, а сводится только к внешнему

наблюдению форм его проявления и на этой основе формирует абстрактные логические умозаключения о феномене сознания.

Полученных традиционными методами классической науки знаний явно недостаточно, особенно при изучении явления сознания в иных дисциплинах, например, в юридической отрасли. Так, остаются открытыми вопросы о том, что на самом деле подлежит восприятию сознанием и правовым сознанием (объективная реальность или нечто другое), в чем особенность правового сознания по сравнению с общим сознанием (и есть ли эвристическая необходимость в типизации сознания по критериям сфер человеческой деятельности, в том числе юридической), почему индивидуальное сознание выражает полученные данные не так, как они были предоставлены в первоисточнике, либо несвоевременно.

Названные и ряд других нерешенных вопросов не являются теоретико-правовыми, однако ответы на них могут кардинально повлиять на совершенствование юридической практики как в правотворческой, так и в правоприменительной сферах. Например, пересмотр сущности и генезиса сознания и правосознания сможет способствовать правильному уяснению, в чем на самом деле состоит субъективная сторона правового поведения и, особенно, правонарушения, каков механизм и объем выражения правового сознания законодателя в нормативном правовом акте, каковы процессы легитимизации нормативного правового акта, насколько объективны и потенциальны осознание и реализация принципа формального равенства [1, с. 54] в правоприменительной деятельности, осуществляемой носителями индивидуального правосознания и ряд других, актуальных для юридической науки и практики вопросов.

Основная часть. Ответить на поставленные и ряд схожих по важности вопросов, прямо или косвенно связанных с изучением сознания и правового сознания, в настоящее время представляется возможным только в контексте синтеза новейших достижений различных, в основном, неюридических наук (философии, нейробиологии, психофизиологии), с многообразных ракурсов (собственных предметов) изучающих сложнейший феномен сознания, а также использования отдельных методов и методик, выработанных в рамках постнеклассического научного знания. В качестве примера можно привести исследование сложных, эволюционирующих, человекоразмерных систем в синергетике, ориентируясь на отход от упрощенных схем в сторону моделирования уникально-конкретного; либо коннекционизм — конструирование нового типа компьютерных устройств, состоящих из

«формальных» нейронов искусственных нейронных сетей [2, с. 62] и сравнение работы искусственного и естественного интеллекта с выявлением общего и особенного; а также «эмпирическая метафизика» как рациональная система, выстроенная на основе индивидуального глубинного опыта, когда мыслеобразы внутренней реальности изучаются в качестве материальных явлений, «вернее сказать, тонко материальны, принадлежат материи иной природы, чем предметы внешнефизического мира» [2, с. 242].

Пересмотр феноменов «сознание» и, соответственно, «правовое сознание» созрел в контексте критики традиционного определения сознания как идеальной формы отражения окружающей объективной действительности, якобы имеющей сугубо материальную природу, предложенного классической наукой. Причем применительно к правовому сознанию до сих пор используется еще более вульгарное, основанное на простом механическом перечислении различных внешнепроявляемых форм визуализации сознания, отражающую окружающую действительность. К таким формам обычно относят эмоции, чувства, переживания о действующем праве, что уже изначально содержит ошибочное стремление назвать абсолютно все формы визуализации правового сознания и объединить несколько разнородные явления, включив их в структуру одного феномена – правосознание.

При этом следует еще раз обратить внимание на сложную природу человеческого сознания, которая не могла и никогда на самом деле не сводилась к механическому, но в тоже время «идеальному» (субъективному, зависящему от воли и сознания субъекта) отражению «материальной» (объективной, не зависящей от воли и сознания субъекта) действительности.

Во-первых, спорным представляется факт отражения в сознании и правосознании так называемой «объективной действительности», границы проявления которой особенно в настоящее время абсолютно размыты. Примером может служить развитие и проникновение во все сферы жизни человека сети Интернет и коммуникационных процессов в ней, которые ставят под сомнение наличие четких границ объективного и субъективного, идеального и материального, а также пределов виртуальной реальности (или нереальности). Например, фотография, содержащая изображение человека, материально якобы не визуализированная (не распечатанная на бумажном носителе), существующая на цифровом носителе, но позже выложенная в социальной сети, имеет одновременно различную материально-идеальную природу и соответствующим образом отражается в сознании пользователей

сети, одни из которых просто ставят под изображением лайк, другие скачивают это изображение на свой цифровой носитель, а третьи делают репост.

Применительно к социально-правовой реальности также неоднозначно может решаться вопрос о том, где заканчивается субъективная и начинается объективная юридическая действительность, а, следовательно, начинается и заканчивается отражение правосознания. Действительно, достаточно сложно однозначно ответить на вопрос, в какой момент времени судья как носитель правового сознания (в интерпретации классической науки, субъективного по своей сути), отражая действительность, выносит решение, которое должно быть в понимании классического знания уже абсолютно объективным: в момент принятия искового заявления к производству, либо заслушивания сторон на предварительном заседании, или на иных стадиях, либо уже при подготовке или вынесении судебного решения, либо истечении срока на обжалование такого решения. В то же время постановка такого вопроса и правильность ответа на него в значительной степени детерминируют оценку законности и обоснованности каждого решения, вынесенного в правоприменительном процессе.

Во-вторых, человеку не свойственно механическое отражение вообще. В настоящее время экспериментально доказано наличие сложнейшего, многоуровневого информационного обмена между нейронами человеческого мозга [2, с. 61], в основном отвечающего за процесс осознания, что уже свидетельствует о тщательной переработке данных, получаемых этим органом человека. Кроме этого, научно доказанным является факт работы не только нейронных сетей человеческого мозга в процессе сознания, но и анализ получаемых данных «средствами всей телесности человека», что дает возможность в том числе и «креативного мышления» [2, с. 269], являясь основным признаком, отличающим человеческое сознание от компьютерного мышления, искусственного интеллекта.

Кроме того, экспериментальные данные о наличии сложнейшего, многоуровневого информационного обмена между нейронами человеческого мозга [2, с. 61] являются научным подтверждением наличия информационной природы сознания.

На самом деле, сознание по своей сути – это сложнейший процесс, причем имеющий информационную природу. В общем значении информация (от лат. *information* – осведомление) представляет собой процесс выбора одного (или нескольких) сигналов, параметров, вариантов, альтернатив из многих возможных, и этот выбор должен быть запомнен. Следует отметить, что

данное, преимущественно техническое рассмотрение информации, в настоящее время также требует своего пересмотра, в результате чего появится и относительно новое определение сознания как специфического информационного процесса. Так, в литературе отмечается, что приведенное выше и иные технические определения информации больше относятся не к определению ее качества и содержания, а к количественному значению сигнала, передаваемого через каналы коммуникации и изучаемые кибернетикой [2, с. 258-260]. Базовым в таком случае выступает «понятие множества: в частности, сопоставление исходного множества возможных вариантов с остающимися в результате принятия во внимание оцениваемой информации. И степень информативности сообщения оценивается в зависимости от его способности уменьшать потенциально возможное количество вариантов (в идеале сводя его к единице – это будет максимально информативное сообщение)» [2, с. 265].

Кроме того, претендующее на универсальность, математическое определение информации просто сводится к идеальному сообщению, уменьшающему или полностью исключающему неопределенность в выборе одной из нескольких альтернатив. При этом порождение информации требует наличия соответствующих условных алгоритмов – правил, устанавливающих условные связи между инвариантными сигналами, параметрами, структурами, корреляциями. На самом деле это предполагает активность информационной системы, которая должна управляться встроенными программами (генетическими, когнитивными, в том числе приобретенными в результате научения, или созданными человеком искусственными интеллектуальными устройствами), обладать внутренней интенциональностью [2, с. 47-48]. Характерно, что кроме этого, информация в процессе правового сознания имеет и ряд специфических черт.

Во-первых, она является не только и не столько юридической, количественно сводящейся к содержанию нормативных правовых и ненормативных правовых актов, а содержательно относится к моральной, религиозной сферам и к области обычая (причем правовые нормы могут коррелировать, а могут коллизировать с иными социальными нормами). Во-вторых, такая информация предполагает очень четкий выбор, полное снятие неопределенности в виде окончательного выбора правомерного и неправомерного поведения, что визуализируется у субъекта правового сознания в объективной стороне правомерного или противоправного поведения. В-третьих, основным источником правовой информации является деятельность правотворческих и правоприменительных органов, преимущественно имеющих

государственно-властную природу и, соответственно, транслируется такая информация в коммуникационном процессе «сверху-вниз». Указанное обстоятельство обуславливает количественное преимущество правовой информации, движущейся «извне», т.е. внешней, и при этом по качеству императивной. В-четвертых, правовая информация также далеко не всегда обладает признаком объективности, которым оперирует классическая наука. Она носит субъективно-объективный характер. Например, информация в виде презумпций и фикций, изначально имеющих идеальную природу, постулируемых в качестве юридических идей, принципов, находит свое проявление в сознании субъектов правотворчества и правоприменения, отражается в содержании норм права, и при этом может получить, а может и не получить материальную визуализацию.

Таким образом, понятие сознания и правосознания как информационного процесса не должно сводиться к сугубо количественному, экстенциональному (опирающемуся на количественные, теоретико-множественные характеристики) пониманию. В еще большей степени необходим глубокий, интенциональный, требующий для своего анализа обращение к содержанию (смыслу) подход, предполагающий анализ процесса сознания и правосознания с учетом специфики обрабатываемой информации.

Информационная природа сознания и правосознания не сводится к простому восприятию и осмыслению информации. Это сложнейший, многоуровневый процесс, направленный на восприятие и визуализацию разного рода информации, отличающейся в зависимости от источника и соответствующих способов ее осознания. Так, информация внешней среды «безразлична к параметрам личности и внутреннего мира» [2, с. 269] субъекта правосознания, воспринимается обезличенно, относительно безэмоционально. Такая информация не подвергается осознанию телесно, а только поверхностно, «репрезентируясь в нейронных сетях головного мозга» [2, с. 268]. Однако если внешняя информация глубоко затрагивает личностные качества человека, начинает восприниматься не только когнитивно, но и телесно, сознательно и вместе с этим эмоционально, проходя обратную трансформацию, тогда она превращается в идею. Идея формируется не только при помощи работы мозга, она «разлита» во всей человеческой телесности [2, с. 268]. Примечательно, что такое вовлеченное, заинтересованное, креативное, телесное (всем существом человека) восприятие внешней информации и формирование из нее идеи характерно не для всех носителей сознания и правового сознания.

Следует подчеркнуть, что процессы сознания и правового сознания первично и даже в большей степени имеют направленность на внешнюю информацию, обезличенную, нечувствительную и безразличную к параметрам личности и внутреннего мира субъекта. И только идея в процессе сознания и правосознания как внутреннее, одновременно сознательное и телесное знание, переработанная информация выражает уникальную, неповторимую индивидуальность правового сознания его носителя в контексте индивидуальных обстоятельств и индивидуальной системы знания конкретного человека (не только его когнитивной системы, но и телесной сущности). Это такое совокупное телесное переживание-знание [2, с. 268-270]. Возвращаясь к примеру принятия решения судьей в правоприменительном процессе, следует подчеркнуть, что принятие решения представляет собой многоуровневый процесс восприятия, а также содержательного осмысления информации в процессе правосознания. Разные стадии судебного процесса предполагают совершенно различные процессы правового сознания. Так, при определении юридической основы дела процесс правосознания представляет собой простое усвоение первичной, внешней, обезличенной информации о содержании норм материального права, имеющих гипотезу, совпадающую с установленным ранее фактическим составом. С другой стороны, в процессе прений сторон, вынесение судебного решения заключается во всей телесно-познавательной деятельности субъекта правоприменительной деятельности, мысленного восприятия не только внешних данных, но и работы всех органов чувств по активному осмыслению полученных сведений, внутреннюю переработку информации, на основании чего формируется непосредственно «идея судебного решения» и может быть вынесено действительно обоснованное и справедливое решение. Далее происходит визуализация работы правового сознания в виде подготовки правоприменительного акта, однако при этом сам процесс правового сознания не прекращается, он может продолжаться достаточно длительный период времени и требовать значительных энергетических затрат от субъекта правоприменения постольку, поскольку это не просто когнитивная деятельность, но и процесс работы всей системы органов чувств, а также работа сознания, предсознания, подсознания и т.д. В связи с этим, лишь ограниченное количество юристов-практиков, имеющих высокие количественно-качественные параметры правового сознания, может эффективно работать в качестве судьи, и при этом все равно испытывает так называемую «профессиональную деформацию» или «выгорание».

Внешний характер свойственен для наибольшего объема информации, транслируемой в отраслевых юридических дисциплинах и берущейся за основу

процесса правового сознания юриста. В таком случае «за право принимается любой нормативный акт, исходящий от уполномоченного органа публичной власти и обеспеченный соответствующим принуждением. Поэтому здесь не возникает цели поиска оценочного инструмента, позволяющего отличить содержащиеся в законах нормы права от норм моральных, религиозных, технических, а правовой закон от неправового или даже антиправового» [1, с. 53]. В свою очередь, мысленно-телесное переживание-знание в правовом сознании юриста будет сводиться к дальнейшему, «направленному на различение права и закона» процессу, в котором задействована мыслительно-эмоциональная оценка морального, религиозного и соответствующего (или несоответствующего) ему правового регулирования и формирование соответствующей идеи, визуализированной в правовом акте или юридическом деянии.

При этом идея рассматривается как паттерн организации внутреннего мира человека, его продуцировавшего. Характерно, что явление паттерна организации в живых системах (а именно самоорганизации) было исследовано в результате экспликации результатов наблюдений за природными явлениями. В настоящее время паттерн эффективно рассматривается во взаимодействии с понятием идеи [2, с. 271], что требует отдельного осмысления применительно к сфере совершенствования юридической практики. Например, рассматриваемый в юридической литературе традиционный тип легитимности юридических законов, когда легитимность измеряется временем жизни нескольких поколений людей [3, с. 120] фактически основывается на признании неких паттернов социальной организации, заложенных в основу базисных идей процесса правосознания создателей Конституции США 1787 г., имеющей к настоящему времени всего 27 поправок, либо составителей Гражданского кодекса Франции 1804 г. [3, с. 120]

С учетом того, что телесность субъекта сознания существенно обуславливает параметры восприятия и, следовательно, сознания, теряется необходимость изучения влияния объективной реальности на сознание. Фактически существует не одна, общая для всех объективная реальность, а так называемая «индивидуальная объективная реальность, которая действительно существует независимо от нас, дана нам в непосредственных ощущениях, но параметры такой реальности зависят от конкретного индивида, детерминированы генетическими, культурными, языковыми аспектами и, прежде всего, телесностью» [2, с. 276-277]. И даже в случае схожей визуализации в сознании и правосознании индивидуальных объективных реальностей отсутствует возможность признавать наличие общей, объективной

правовой действительности. Дело в том, что наложение различных языковых и культурных матриц на единый универсум дает абсолютно индивидуальные, но внешне, возможно, в некоторых случаях и совпадающие результаты процесса сознания и правосознания.

Анализируя таким образом индивидуальное, особенное восприятие действительности, а также ее выражение в индивидуальной объективной реальности, становится понятным абстрагированный характер общего термина «объективная реальность» и строящегося на нем понятия «правовое сознание». Так, различаются объективные реальности пчелы, летучей мыши и человека именно из-за их различной телесности (мир таков, каким его позволяют воспринять наши органы чувств), а потом уже из-за других факторов, задающих индивидуальные особенности восприятия информации, ее осмысления, репрезентации в виде идеи (или нерепрезентации), визуализации. Характерно, что такая индивидуальная картина объективной действительности обусловлена не только и даже не столько сознательными процессами, но в большой степени зависит от неосознаваемых человеком, но постоянно протекающих вне мыслительной деятельности, процессов восприятия, именуемых предсознанием, подсознанием, бессознательным и другими терминами, требующими дополнительного изучения применительно к правовой действительности. Отдельно воспринимаются те пласты реальности, которые человек воспринимает экстрасенсорно и остальные, подвергающиеся обычному восприятию.

Выводы. В связи с изложенным, представляется обоснованной дальнейшая необходимость изучения явления правового сознания в качестве многоуровневого информационного процесса, протекающего по-разному в зависимости от количественно-качественных параметров информации и сводящегося не только к умственному восприятию и осмыслению поступающей внешней информации, но и телесно-мыслительному процессу внутренней переработки информации в идею, с последующей визуализацией такой идеи в индивидуальной объективной реальности и различных социально-правовых явлениях.

Список литературы:

1. Лапаева, Л.Е. Принцип формального равенства как основа правового мышления / Л.Е. Лапаева // Принцип формального равенства и взаимное признание права; под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. – М.: Проспект, 2016. – 208 с.
2. Бескова, И.А., Герасимова, И.А., Меркулов, И.П. Феномен сознания / И.А. Бескова, И.А. Герасимова, И.П. Меркулов. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.
3. Мачин, И.Ф. Легитимность юридических законов: исторические и современные интерпретации / И.Ф. Мачин // Принцип формального равенства и взаимное признание

права; под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. – М.: Проспект, 2016. – 208 с.